

Александр Грин

Вокруг света

Александр Грин
Вокруг света

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Вокруг света / А. С. Грин — «Public Domain», 1916

Объехав вокруг света за 2 года (на пари) герой узнаёт, что тот, с кем он спорил, – разорился. Но ему предлагают вдвое большую сумму (200 тысяч), если он сделает это ещё раз... © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	8
III	10

Александр Степанович Грин

Вокруг света

I

Последние десять миль, отделявшие торжествующего Жилия от шумного Зурбагана, пешеход прошел так быстро и весело, словно после каждого шага его ожидало несравненное удовольствие. Узнавая покинутые два года назад места, он испытывал восхищение большого, чудом возвращенного к жизни, которому блаженное чувство безопасности показывает домашнюю обстановку в звуках ликующего оркестра.

Костюм Жилия в день его возвращения состоял из серых шерстяных чулок до колен, толстых башмаков с пряжками, кожаных коротких штанов, голубой парусиновой блузы и огромной соломенной шляпы, покоробившейся самым причудливым образом. Дыра от пули была единственным его украшением. У пояса, в кожаной кобуре, висел старый друг, семизарядный револьвер, а за плечами – емкая дорожная сумка.

Жиль твердо постукивал суковатой палкой и свистал так пронзительно, что воробьи вспархивали, увидев его, за сто шагов.

Описав дугу кривой дорогой равнины, отделяющей рабочие предместья Зурбагана от лесистых долин Кассета, Жиль вступил наконец в крикливую улицу Полнолуния. Ранний час дня свежим блеском и относительной для этих широт прохладой придавал уличному движению толковую жизнерадостность. Крупная фигура Жилия, особенная стремительная походка, выработанная долгими странствованиями, густой кофейный загар, подавляющее напряжение лица, вызванное волнением, и бессознательная улыбка, столь сложная и заразительная, что заставила бы обернуться мрачнейшего ипохондрика, скоро обратили на путешественника внимание многих прохожих. Жиль взглянул на часы – было половина девятого. «Ассоль спит, – решил он. – Зачем портить восторг встречи смесью сна с действительностью? Я все равно – дома». Заметив, что порядком устал, Жиль, свернув в аллею просторного бульвара, выбрал кабачок попроще и, сев в еще пустом зале за круглый стеклянный стол, сказал, чтобы подали яичницу с луком, бутылку водки и крепких сигар.

Почти тотчас вслед за ним вошли: меланхолический лавочник, держа руки под фартуком; толстый надутый мальчик, лет десяти, красный от нерешительности и любопытства; девушка мужского сложения, в манишке и стоячем воротнике, с мужской тростью, мужским портфелем и мужскими манерами; испитой субъект с длинными волосами; кургузый подвижной господин, свежий и крепкий; две барышни и несколько молодых людей, безлично-галантерейного типа с тросточками и золотыми цепочками.

Хозяин, смотря поверх очков и прижимая пальцем то место газеты, на котором застигло его такое изумительное в ранний час нашествие посетителей, почесал свободной рукой спину, воспрянул и потряс огромным звонком. Слуги, вбежав, принялись кланяться, стирать пыль, принимать заказы и покрикивать друг на друга.

Тем временем посетители, сев в разных местах зала, открыто уставились на Жилия взглядами театральных зрителей. Заметив это, молодой человек смутился, но скоро сообразил, в чем дело. Газеты, видимо, были извещены о нем, – вероятно, выклянчили у Ассоль портрет, тиснули его в рамке барабанных статеек, и экспансивные зурбаганцы, с догадкой, что герой – он, человек воинственно-бродячей наружности, ждали подтверждения этому; ждали, отдадим справедливость, смиренно и уважительно, однако при виде стольких глаз, круглых и немигающих, третий глоток водки застрял в горле Жилия. Он думал, что хорошо бы удрать. Сигара заставила его кашлять, а яичница упрямо разваливалась на вилке.

Вдруг положение изменилось, – лопнул пузырь томления: мужевидная девица, понюхав поданный шоколад, крикнула, обвела общество призывным взглядом, решительно поднялась и, подойдя к Жилю, громко спросила:

– Разрешите мои сомнения. Портрет кругосветного путешественника, Жилия Седира, напечатанный в журнале «Герольд», хроникером которого имею честь состоять я, Дора Минута, очень напоминает ваши черты. Не вы ли славный зурбаганец Седир, два года назад вышедший на сотысячное пари с фабрикантом Фрионом, что совершите кругосветное путешествие без копейки денег, сроком в два года?

Эта тирада заставила даже хозяина покинуть стойку и придержать дыхание.

– Я, я! – сказал взволнованный Жиль, смеясь и раскланиваясь с повскакавшей вокруг публикой. Послышалось: «ура! браво! приветствуем!» – и Жиль оказался в кругу радостно-любопытных лиц. Все хотели знать, как он путешествовал, с какой целью, что видел и испытал.

Немного можно ответить сотням вопросов и обращений, – однако, настроенный благодушно, Жиль рассказал главное. Его заставило добыть таким способом деньги изобретение, имеющее важное будущее. Никто не давал денег для окончательных опытов. Министерство благосклонно отвертелось, капиталисты не доверяли, а сам изобретатель, вставая поутру, не знал, будет ли сегодня обедать. Эксцентрик Фрион, жестоко» забавы ради, предложил ему обогнуть земной шар за сто тысяч, покинув город без денег, съестных припасов и спутников. Нотариус скрепил это условие. Опаздывая сверх двух лет даже на одну минуту (секунды прощались), Жиль не получал ничего.

Но он выполнил задачу неделей раньше условленного. Конец нищете! Начало славы изобретателя пришло к его ногам. Жиль вскользь, но одушевленно и любовно коснулся яркой пестроты двухлетнего путешествия. Прекрасной феерией развернулось в его душе опасное прошлое. Все способы передвижения испытал он: ходьбу, лодку, носилки, слонов, верблюдов, велосипед, барки, пароходы, парусные суда. Храмы и башни, развалины и тоннели, тропические леса, горные цепи, пропасти, водопады, цветы, пальмы, миражи – простое перечисление виденного заставило бы не один раз перевести дух. Настроение опасности, силы, радости, экстаза, величественного покоя, бури и тишины, молитвы и милых воспоминаний, решительности и вызова – всю сложную мелодию их Жиль передавал сердцам слушателей нервными толчками рассказа, стиснутого возбуждением торжества. Пламенное воспоминание это, витая в избранной красоте прошлого, заразило аудиторию. Лица и глаза светились возвышенной завистью людей подневольных, но увлеченных.

– А видели ли вы рыбий храм? – басом сказал толстый мальчик, видимо, давно уже державший этот вопрос на спуске своей любознательности. Тотчас же великий конфуз съел его без остатка, и, красный, как помидор, смельчак жалостно запыхтел.

– Какой храм, милочка? – улыбнулся Седир.

– В котором дикари поклоняются рыбам, – с отчаянием проголосил бедняк, прячась за Дору Минуту, так как все пристально посмотрели на его круглую, стриженую голову. – Когда дикари пляшут... – выпискнул он при общем хохоте и исчез, покончил существование как сознательный член общества, утопив свою кругленькую фигуру в путанице угловых стульев.

Жиль встал, пожимая руки поклонников, в воздухе было тесно от восклицаний. За дверью кликнул он на всякий случай извозчика, – и не напрасно, потому что любопытные явно были огорчены этим. Скоро Жиль стучал у бедных дверей на шестом этаже, в комнату жены.

Дверь тихо приоткрылась, показала легкую молодую женщину с блистающими глазами и вдруг стремительно отлетела к стене. Оба чуть не упали с высокого порога, на котором стиснули друг друга теплом, счастьем и стосковавшимися руками. Амур, всхлипывая и визжа от

восторга, повис на них с цепкостью уистити,¹ поймавшей бабочку, повернул ключ и опустил занавески.

---

¹ Уистити – южноамериканская обезьяна.

II

Еще два года назад решено было в условиях меж Фрионом и Жилем, что установление выигрыша пари и получение премии состоится в редакции «Элеватора». За два часа перед тем, когда Седиру следовало быть на месте триумфа, в дверь постучали корректным, негромким стуком первого посещения.

Вошел человек, скромной, солидной внешности, с привычно висящим в руках портфелем и осмотрел скудную обстановку комнаты неподражаемо пустым взглядом официального лица, обязанного быть бесстрастным во всех, без исключения, положениях.

– Норк Орк, поверенный известного вам Фриона, – ровно сказал он, кланяясь погибче Ассоль и каменным поклоном – Седиру.

Тень предчувствия напрягла нервы Жилия. Он подал стул Орку и сел на другой сам.

– Дело, благодаря которому я имею честь видеть вас, хотя предпочел бы ради удовольствия этого дело совершенно иного рода, – заговорил Орк, – касается столько же вас, сколько и партнера вашего по пари, заключенному меж вами и доверителем моим, бывшим фабрикантом Фрионом. Я уполномочен сообщить – и тороплюсь сделать это, дабы скорее сложить обязанность печального вестника, – что смелые, но неудачные спекуляции ныне совершенно уравнили с вами Фриона в отношении материальном. Он не может заплатить проигрыша.

– Жиль, Жиль! – кричала Ассоль, поворачивая к себе белое лицо мужа нечувствуемыми им маленькими руками. – Жиль, не дрожи и не думай! Перестань думать! Не смей!..

Седир перевел дыхание. Синяя жила билась на его лбу, – он летел в пропасть. Удар был невероятно жесток.

– Так. И никакой пощады? – тоскуя, закричал Жиль.

Норк Орк поднял глаза, опустил их и встал, застегиваясь, с вытянутым лицом.

– Мне поручено еще передать письмо – не от Фриона. Вам пишет известный Аспер. Кажется, это оно... да.

Жиль бросил письмо на стол.

– Как-нибудь прочитаю, – вяло сказал он, обессиленный и уставший. – Вы, конечно, не виноваты. Прощайте.

Орк вышел; прямая спина его несколько времени была видна еще Жилию сквозь дверь. Ассоль громко, безутешно плакала.

– Плачешь? – сказал Жиль. – Я тебя понимаю. Вот судьба моего изобретения, Ассоль! Я обнес его вокруг всей земли, в святом святых сердца, оно радовалось, это металлическое чудо, как живое, спасалось вместе со мною, ликовало и торопилось сюда... – Он осмотрел комнату, бедность которой солнце делало печально-крикливой, и невесело рассмеялся. – Что же? Залепи дырку в кофейнике свежим мякишем. Начнем старую голодную жизнь, украшенную мечтами!

– Не падай духом, – сказала, поднимаясь, Ассоль, – когда худо так, что хуже не может быть, – наверно, что-нибудь повернется к лучшему. Давай подумаем. Твое изобретение не теперь, так через год, два, может быть, оценит же кто-нибудь?! Поверь, не все ведь идиоты, дружок!

– А вдруг?

– Ну, мы посмотрим. Во-первых, что же ты не читаешь письмо?

Жиль содрал конверт, представляя, что это – кожа Фриона: «Жиль Седир приглашается быть сегодня на загородной вилле Кориона Аспера по интересному делу. Секретарь...»

– Секретарь подписывается, как министр, – сказал Жиль, – фамилию эту разберут, и то едва ли, эксперты.

– А вдруг... – сказала Ассоль, но, рассердившись на себя, махнула рукой. – Ты пойдешь?

- Да.
- А понимаешь?
- Нет.
- Я тоже не понимаю.

Жиль подошел к кровати, лег, вытянулся и закрыл глаза. Ему хотелось уснуть, – надолго и крепко, чтобы не страдать. Неподвижно, с отвращением к малейшему движению, лежал он, временами думая о письме Аспера. Он пытался истолковать его как таинственную надежду, но о катастрофу этого дня разбивались все попытки самоободрения. «Меня зовут, может быть, как любопытного зверя, гвоздь вечера». Иные имеющие прямое отношение к его цели предположения он изгонял с яростью женоненавистника, обманутого в лучших чувствах и возложившего ответственность за это на всех женщин, от детского до преклонного возраста. Он был оскорблен, раздавлен и уничтожен.

Ассоль, жалея его, молча подошла к кровати и легла рядом, затихнув на груди Жилия. Так, обнявшись, лежали они долго, до вечера; засыпали, пробуждались и засыпали вновь, пока часы за стеной не прозвонили семь. Жиль встал.

– Пойдем вместе, Ассоль, – сказал он, – мне одному горестно оставаться. Пойдем. Уличное движение, может быть, развлечет нас.

III

Аспер, перейдя те пределы, за которыми понятие богатства так же неуловимо сознанием, как расстояние от земли до Сириуса, тосковал о популярности подобно Нерону, ездившему в Грецию на гастроли.

Владыка материи сидел в обществе двух господ испытанного подобострастия. Был вечер; большая терраса, где произошло вышеописанное, в ясном полном свете серебристых шаров заплыла по контуру теплым глухим мраком.

Когда вошли Жиль и его жена, Аспер, встал медленно, точно по принуждению, скупо улыбнулся и сел снова, дав на минуту свободу выжидательному молчанию. Но не он прервал его. Истерзанный Жиль сказал:

– Объясните ваше письмо!

– Оно благосклонно. Вы выиграли пари с Фрионом?

– Да, – безуспешно.

– Фрион – нищий?

– Да... и мошенник, кстати.

– Ах! – любовно прислушиваясь к своему звучному голосу, сказал Аспер.

– Право, вы очень суровы к нам, игрушкам фортуны. И мы бываем несчастны. Дорогой Седир, я знаю вашу историю. Я вам сочувствую. Однако нет ничего проще поправить это скверное дело. Если вы, начиная с девяти часов этого вечера, отправитесь второй раз в такое же путешествие, какое выполнили Фриону, на тех же условиях, в двухлетний срок, я уплачиваю вам проигрыш Фриона и свой, то есть не сто тысяч, а двести.

– Как просто! – сказал пораженный Жиль.

– Да, без иронии. Очень просто.

Жиль помолчал.

– Если это шутка, – сказал он, посмотрев на изменившееся лицо Ассоль взглядом, выразившим и жалость и тяжкую борьбу мыслей, – то шутка бесчеловечная. Но и предложение ваше бесчеловечно.

– Что делать? – холодно сказал Аспер. – Хозяин положения вы.

Насмешка взбесила Жиля.

– Да, я вернулся раз хозяином положения, – вскричал он, – только за тем, чтобы надо мной издевались! Гарантия! Я пошел!

Все силы понадобились Ассоль в этот момент, чтобы не разрыдаться от горя и гордости.

– Жиль! – сказала она. – И любить и проклинать буду тебя! Как мало ты был со мною! Впрочем, покажи им! Я заработаю!

– Гарантия? – Аспер взял из рук у одного притихшего подобострастного господина банковскую новую книжку и подал Жилю. – Просмотрите и оставьте себе. Сегодня 13-е апреля 1906 года. Вклад на ваше имя; вы получите его по возвращении, если не позже 9-ти вечера 13-го апреля 1908 года явитесь получить лично.

– Так, – сказал Жиль, – я должен идти сегодня? Не могу ли я получить отсрочку до завтра? Один день... Или это каприз ваш?

– Каприз... – Аспер серьезно кивнул. – У меня не всегда есть время развлечься, завтра я могу забыть или раздумать. Однако, без десяти девять; решайте, Седир: спустя десять минут вы направитесь домой или будете идти к горам Ахуан-Скапа.

Жиль ничего не сказал ему, он смотрел на Ассоль взглядом полубезумным, силою которого мог бы, казалось, воскресить и убить.

– Ассоль, – тихо сказал он, – еще один раз... последний, верный удар. Сама судьба вызывает меня. Я тебя утешать не буду, оба мы в горе, – помни только, что такому горю позавидуют два года спустя многие подлецы счастья. Дай руку, губы, – прощай!

Ассоль обняла его крепко, но бережно, словно этот мускулистый гигант мог закачаться в ее руках. Носки ее башмаков еле касались пола. Жиль прочно поставил молодую женщину в двух шагах от себя, вернулся к столу, где подписал предложенное условие, и, пристально посмотрев на Аспера, сошел по широким ступеням в сад.

Но едва ноги его оставили последний лестничный камень, как он твердо остановился в ужасе от задуманного. Он знал, что, сделав только один шаг вперед, больше не остановится, что шаг этот ляжет бременем всего путешествия. Потрясенным сознанием начал он обнимать грозную громаду предпринятого. Если утром, незлопамятный от природы, он переживал в восторге удачи только вдохновенное и красивое, то теперь бился над пыльной, темной изнанкой сверкающего ковра. Пространство стало реальным, ясным во всей необозримости избытком мучительных переходов; болезни, утомление, скучный попутный труд, изнурительная тоска о письмах, мнительность маниакальной силы, проволоочки горше, чем отказ, – все стороны походного угнетения стиснули его сердце.

Аспер стоял несколько позади. Вдруг он побледнел, – состояние Жилия передалось ему с убедительностью внезапно хлынувшего дождя. Он задумался.

– Ну, вот... – сказал Жиль, скрутив слабость всей яростью ослепшей в муках души, – я иду. Ступай домой, милая!

Он шагнул, пошел и временно перестал жить. На мгновение странная иллюзия встряхнула его: ему казалось, что он шагает на одном месте, – но быстро исчезла, когда поворот аллеи устремился к смутно белеющему шоссе.

В глазах его были глаза жены, пульс бился неровно и слабо, сердце молчало, холодные руки встречались одна с другой бесцельно и мертвенно. Он ни о чем не думал. Подобно лунатику, сошел он с шоссе на тропу в том самом месте, где два года назад связал лопнувший ремень сумки. Была весна, странная восприимчивость мрака доносила эхо могучих водопадов Скапа, чувственные благоухания цветущих долин неслись в воздухе, и тысячи звезд вдохновенно жгли тьму огнями отдаленных армад, столпившихся над головой Жилия.

Равнодушный ко всему, ровным, неслабеющим шагом прошел он долину и часть холмов, песчаной тропой вышел на семерверстную лесную дорогу, одолел ее и заночевал в поселке Альми, – первой, как и два года назад, тогда утренней, остановке. Хозяин узнал его.

– За постой я пришлю с дороги, – сказал Седир, – дайте вина, свечку и чистое белье на постель, сегодня у меня праздник.

Он сел у окна, пил, не хмелея, курил и слушал, как на дворе влюбленный, должно быть, пастух настраивает гитару.

– Заиграй, запой! – крикнул в окно Жиль. – Нет денег, плачу вином.

Смеясь, поднялась к окну пылкая песня:

В Зурбагане, в горной, дикой, удивительной стране,
Я и ты, обнявшись крепко, рады бешеной весне.
Там весна приходит сразу, не томя озябших душ, —
В два-три дня устанавливая благодать, тепло и сушь.

Там в реках и водопадах, словно взрывом, сносит лед;
Синим пламенем разлива в скалы дышащее бьет.
Там ручьи несутся шумно, ошалев от пестроты;
Почки лопаются звонко, загораются цветы.

Если крикнешь – эхо скачет, словно лошади в бою;
Если слушаешь и смотришь, – ты, – и истинно, – в раю.
Там ты женщин встретишь юных, с сердцем диким и прямым,
С чувством пламенным и нежным, бескорыстным и простым.

Если хочешь быть убийцей – полюби и измени;
Если ищешь только друга – смело руку протяни.
Если хочешь сердце бросить в увлекающую высь, —
Их глазам, как ворон черным, покорись и улыбнись.

Песня развеселила Седира: «Это о тебе, Ассоль, – сказал он. – И ради тебя, право, не пожалею я ног даже для третьего путешествия. Не я один был в таком положении». Он вспомнил ученого, прислуга которого, думая, что старая бумага хороша для растопки, сожгла двадцатилетний труд своего хозяина. Узнав это, он поседел, помолчал и негромко сказал испуганной неграмотной бабе:

– Пожалуйста, не трогайте больше ничего на моем столе.

Разумеется, он повторил труд.

Жиль так задумался, светлея и воскресая, что не слышал, как вошел Аспер. Лишь увидев его, он припомнил стук колеса и голоса на дворе.

– Вернитесь, – побагровев и нервничая, сказал толстяк. – Я скоро поехал догонять вас. Пустой формальностью было бы выжидать два года. Я, так и так, – проиграл; живите, изобретайте.

– Однако, – сказал Асперу в конце недели темный граф Каза-Веккия, – вы, я слышал, поторопились проиграть ваше пари?!.

– Нет, меня поторопили! – захохотал Аспер. – И, право, он заслужил это. Конечно, я оторвал деньги от своего сердца, но как хотите, – думать два года, что он, может, погиб... Передайте колоду.

– Да, жиловат этот Седир, – неопределенно протянул граф.

– Жиловат? Это – сокрушитель судьбы, и я ему, живому, поставлю памятник в круглой оранжерее. А та разбойница, Ассоль... Увы! Деньгами не сделаешь и живой блохи. Как, – бита? Нет, это валет, господин...